

Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Прошло четыре года со времени всем нам памятного VII МКАЭН, состоявшегося в августе 1964 г. в Москве и явившегося большим событием в научной жизни нашей страны. Недавно (с 3 по 10 сентября 1968 г.) в Японии состоялся VIII очередной МКАЭН. Место его заседаний было поделено между двумя японскими столицами: новой (Токио) и древней (Киото).

Заседания первых пяти дней были проведены в Токио в одном из крупнейших общественных зданий столицы. Последние же три дня работы конгресса и его торжественное закрытие состоялись в Киото в большом оригинальной архитектуры здании («Доме международных съездов»).

В конгрессе участвовало около тысячи человек, представлявших науку свыше 50 стран мира.

Японская делегация, естественно, была самой многочисленной на конгрессе. В его работе принимало участие около 300 японских ученых, не говоря уже о многочисленных студентах и аспирантах. Однако с докладами выступила лишь часть японских участников конгресса. Большинство же из них было занято организационной работой в секциях и симпозиумах и ограничилось лишь участием в дискуссии. Иностранные участники конгресса за немногими исключениями почти все выступили с докладами.

Из зарубежных делегаций самой многочисленной была американская; она насчитывала 262 человека. Характерно, что вместе с крупными учеными с мировым именем в ее состав вошло также очень большое количество молодых начинающих исследователей.

Следующей по численности была советская делегация, включавшая 46 человек. Из западноевропейских стран относительно широко были представлены Франция и ФРГ, из социалистических стран примерно по 10 человек направили на конгресс Румыния и Чехословакия, по 1—3 человека — Польша, Венгрия, Югославия и ГДР.

Социалистические страны Азии на конгрессе представлены не были. Не участвовали в работе конгресса также ученые социалистической Кубы.

Довольно многочисленными, до 10 человек, были группы ученых из Таиланда, Филиппин, Южной Кореи. По несколько человек приехали из Индии, Индонезии, Ирана, Турции и др. Крайне слабо были представлены Африка и Латинская Америка — всего по одному человеку из Того, Нигерии, Венесуэлы, Боливии, Перу и Мексики. Следует отметить, что в качестве делегатов ряда азиатских стран нередко выступали американские ученые, временно работающие в этих странах.

Торжественное открытие конгресса состоялось в здании Национального театра. После приветствий президента конгресса проф. Масао Ока и официальных представителей японского правительства от имени страны — организатора предыдущего конгресса выступил проф. Г. Ф. Дебец, а затем — представители континентов.

Работа конгресса была организована по секциям, симпозиумам и рабочим группам, которые были разбиты по двум разделам наук о человеке и его обществе: антропологии и этнографии.

Работа антропологов протекала в 8 специальных секциях («Теория и методология», «Морфологическая антропология», «Физиологическая антропология», «Палеоантропология и антропогенез», «Антропология рас и популяций», «Генетика человека», «Медицинская антропология», «Приматология») и 7 симпозиумах («Человек эпохи плейстоцена в Азии», «Одонтология и эволюция человека», «Изучение локомоций», «Отбор и дифференциальная фертильность в человеческих популяциях», «Биохимический полиморфизм», «Антропологические аспекты роста человека», «Социальная структура приматов»).

Советские доклады на антропологических секциях и симпозиумах были в большинстве своем посвящены этнической антропологии. Эта тема применительно к отдельным районам СССР и двум зарубежным регионам рассматривалась в докладах М. Г. Абдушлишвили, О. Исмагулова, И. М. Золотаревой, Г. Ф. Дебеца. Выступление последнего о результатах проведенных им антропологических исследований в Афганистане привлекло внимание как широтой охваченной исследованием территории, так и важностью поднятых проблем.

Центральное место в работе антропологов конгресса занимали вопросы, связанные с изучением современного человека в различных условиях обитания и в разные периоды его жизни, вопросы адаптации человеческого организма к различным условиям среды. Из советских сообщений здесь уместно отметить доклад Т. И. Алексеевой, содержащий итоги ее многолетней работы в данной области.

Наряду с этими вопросами большое место было уделено теме эволюции человека, всегда волнующей антропологов. Большинство докладов по этой проблематике было посвящено описанию новых палеоантропологических находок. Они убедительно показали, что после бурной вспышки научного интереса к Восточной Африке в связи с открытиями Лики внимание антропологов вновь начинают привлекать азиатские находки. В докладах советских антропологов В. П. Якимова, В. И. Кочетковой и Б. А. Никитюка, посвященных вопросам антропогенеза, были сделаны важные выводы, связанные с проблемами эволюции человека. С интересом был встречен доклад Б. Ф. Поршнева, посвященный проблемам палеонсихофизиологии.

Значительный интерес вызвали доклады приматологов, особенно выступления японских ученых (К. Токуда, М. Каваи, А. Тоёсима, И. Сугиима, Г. Исимото и др.), охарактеризовавших результаты своих широких наблюдений над обезьянами. Этой проблематике были специально посвящены секция «Приматология» и симпозиум «Социальная структура приматов». На них были поставлены и доклады советских ученых Б. А. Никитюка и Е. И. Даниловой. В программу указанного симпозиума, наряду с докладами о характере ассоциаций у обезьян, был включен доклад японского ученого И. Танака «Социальная структура бушменов», что вызвало протест со стороны советских и некоторых зарубежных ученых. Самый факт постановки этого доклада рядом с докладом «Социальная организация шимпанзе», как и название самого симпозиума, не были, конечно, случайностью. Они свидетельствовали о широко распространенных в буржуазной науке попытках биологизации социальных отношений людей, о стремлении обосновать современные социальные институты классового общества биологическими факторами, якобы установленными людьми от своих предков-обезьян.

Выступления антропологов на конгрессе продемонстрировали усиливающуюся тенденцию проникновения в их науку методов физиологического и биохимического анализа. К сожалению, здесь не были достаточно полно представлены работы советских антропологов в области кон-

ституциологии, дерматоглифики, серологии, одонтологии, по проблемам роста, анализу компонентов тела, хотя в теоретической и методической разработке этих вопросов нашими учеными достигнуты значительные успехи.

В целом же выступления советских антропологов выделялись обобщениями, сделанными на большом фактическом материале. Они говорили о немалых достижениях советской антропологической науки.

Выступления ученых разных профилей объединил симпозиум «Экология в антропологических и этнологических науках», посвященный важному направлению в современной теоретической мысли Запада. На нем были заслушаны доклады этнографов, антропологов и одного археолога, в которых трактовался вопрос взаимосвязи между человеком, обществом и средой. В теоретическом плане интересен был вступительный доклад Дж. Беннета (США) «Значение понятия адаптации для социально-культурной антропологии», в котором говорилось об ограниченности экологических объяснений социальной жизни народов. Общее впечатление от симпозиума — несмотря на широкое распространение в западной науке различного рода экологических теорий, среди ученых нет единого мнения о том, что понимать под экологией.

Большому кругу этнографических проблем были посвящены заседания 9 тематических секций («Теория и методология», «История культуры», «Общественные и политические организации», «Общественные и культурные изменения», «Экономические исследования», «Религия и фольклор», «Искусство», «Психокультурные исследования», «Материальная культура») и 3 региональных секции («Африка», «Япония», «Айны и Арктика»). Кроме того, небольшое количество докладов было выделено в секции демографии и музееведения. Этнографическая тематика обсуждалась также на 8 симпозиумах («Религия и мораль», «Кочевники Евразии», «Устная традиция в Африке», «Планируемые социальные изменения в деревне», «Культурные изменения и психологические приспособления», «Проблема мегалитов», «Сравнительный анализ сложных обществ», «Этногенез японского народа»).

Обсуждение конкретных проблем этнографической науки проходило также в четырех рабочих группах («Неотложные задачи современной этнографии», «Народная культура: Восток — Запад», «Системы родства Китая, Кореи и Японии», «Изучение Юго-Восточной Азии»), не собравших, однако, больших аудиторий.

В общем же более половины представленных на конгрессе докладов было посвящено этнографической тематике. Они подразделялись в основном на три группы: 1) конкретно-описательные, 2) с попытками выведения частных закономерностей и 3) общетеоретического значения. Группировка докладов по затрагиваемой в них тематике была недостаточно последовательной. Симпозиумы и рабочие группы отличались от заседаний секций лишь более тщательным подбором докладов по связываемой проблеме. Размежевание же между многочисленными секциями конгресса было подчас нечетким и произвольным. Действительно, в очень многих случаях в рамках одного заседания секции объединялись доклады, тематически малосвязанные между собой и перекликавшиеся с темами докладов на других секциях. Доклады, которые по логике своего содержания должны были стоять рядом, нередко оказывались разнесенными по разным секциям. Например, доклады общетеоретического значения зачитывались на нескольких секциях, в то время как специальная секция «Теория и методология» оказалась довольно слабой. Из 15 прочитанных на ней докладов два носили конкретно-описательный характер, три были посвящены методике научного исследования. Следует отметить доклад о методике составления региональных историко-этнографических атласов, подготовленный коллективом наших авторов (С. И. Брук, В. К. Гарданов, К. Г. Гуслистый, Т. А. Жданко, М. Г. Раби-

нович, Л. Н. Терентьева) и доложенный Т. А. Жданко. Сходной теме был посвящен зачитанный в секции «Демография» доклад В. И. Наулко о разработанной советской наукой методике этнической картографии. Эти доклады вызвали большой интерес делегатов конгресса. Один доклад (И. Полунина из Сингапура), зачитанный на секции теории и методологии, был посвящен вопросам использования в полевой работе современной японской аппаратуры: кинокамер, видеофонов и магнитофонов с наглядной их демонстрацией. Лишь восемь докладов, заслушанных на этой секции, трактовали отдельные проблемы теории этнографической науки. Выступления же виднейших теоретиков зарубежной науки имели место в других секциях и симпозиумах. И хотя таких докладов было очень немного, они зачитывались нередко в одно и то же время на разных секциях и ознакомление с ними затруднялось отсутствием текстов докладов. К сожалению, кроме советских делегатов, участники конгресса, как правило, не распространяли текстов своих докладов.

Представляется, что работа секции «Теория и методология» в известной мере отражает стремление современной буржуазной этнографической науки уйти от решения важнейших теоретических проблем. Из поставленных на VIII конгрессе теоретических докладов можно упомянуть отдельные доклады прогрессивных западных ученых, выступавших с критикой культурного релятивизма, теории «культуры нищеты», в защиту эволюционистских традиций, по их мнению, более верных методологически. При этом многие из них под названием эволюционизма высказывали взгляды, близкие к марксизму. Привлекали внимание доклады, в которых делались попытки выделить общие признаки цивилизации на различных этапах ее развития, обосновывавшие необходимость новой науки «культурологии», а также доклады, подчеркивавшие необходимость учета экономических факторов в теоретических обобщениях, выступления против теорий эгалитаризма в социально дифференцированных обществах, дискуссии о значении структурного метода в этнографических исследованиях.

Как показали доклады, посвященные конкретной тематике, центральное место в этнографических исследованиях зарубежных ученых занимают вопросы современности. Особенно большое внимание в них было обращено на перемены, происходящие в быту, образе жизни и культуре стран Азии, Африки и Латинской Америки в связи с национально-освободительным движением и общим прогрессом человечества, в связи с научно-технической революцией, ростом городов и урбанизацией сельского населения. По этой тематике было заслушано немало интересных докладов, основанных на конкретных полевых материалах.

Проблемы социальных и культурных изменений в современном обществе рассматривались и в большинстве докладов, содержащих попытки выведения частных закономерностей. Главное внимание исследователей привлекает проблема приспособления этнических групп с традиционной культурой к новым условиям, вызванным бурными процессами урбанизации. Об этом свидетельствовали доклады, заслушанные на секции «Психокультурные исследования» и на симпозиуме «Культурные изменения и психологическое приспособление». Доклады на этом симпозиуме, за исключением одного, сделанного японским ученым Т. Софуэ, были зачитаны американскими участниками конгресса. В них излагались результаты их исследований в области современных культурных изменений и психологического приспособления к ним преимущественно в условиях стран Юго-Восточной Азии и Океании (Японии, Китая, Индонезии, Бирмы, Таиланда, Индии, Пакистана, Меланезии, Полинезии и Микронезии). Характерно, что специалистами в этой области выступили многие исследователи США, занимавшиеся раньше американистикой и, в частности, изучением психологии и культуры индейцев.

В ряде докладов делалась попытка объединения ориенталистики с американистикой в связи с проблемой ассимиляции японских эмигрантов в странах Нового Света. В частности, в докладах американских ученых Дж. Корнела, Р. Смита, Ф. С. Станифорда говорилось о процессах изменения культуры японских эмигрантов в Бразилии и проблеме взаимоотношений разных поколений. Как показали материалы докладов, японские эмигранты в бразильских городах значительно быстрее начинают приспосабливаться к местному бразильскому образу жизни, сливаться с основной массой бразильцев, переходить на португальский язык, чем японские крестьяне в сельских районах Бразилии. Процесс аккультурации, процесс этнической ассимиляции в городах, по мнению докладчиков, проходит настолько быстро, что поколение отцов и поколение детей оказываются принадлежащими по существу к разным этносам.

Но при рассмотрении проблемы современности не обошлось и без явно тенденциозных выступлений. В докладе Ф. Мооса (США) утверждалось, например, что слаборазвитые в недалеком прошлом колониальные страны обречены на дальнейшее и даже усиливающееся культурное отставание, в результате чего разрыв между ними и идущими семимильными шагами по пути прогресса государствами Северного полушария — Европы и Северной Америки, будет все больше и больше увеличиваться. Немногие примеры культурного прогресса, которые мог усмотреть докладчик в странах Юго-Восточной Азии, он связывал с влиянием американских военных баз, американских солдат, выступающих в роли «культуртрегеров». И распространение американского образа жизни с бутылкой кока-колы в качестве символа он считал одним из важнейших показателей прогресса, одним из главных факторов, влияющих на приобщение народов Тихоокеанского бассейна к современной культуре.

Совершенно иная, гуманистическая и прогрессивная позиция была выражена в ряде докладов советских делегатов. На конкретных примерах социального и культурного прогресса отстававших в недалеком прошлом народов Средней Азии и других национальных окраин бывшей царской России в этих докладах было показано, что разрыв между отсталым обществом и современным индустриально развитым обществом в условиях социалистического строя может быть преодолен за немногие годы; при этом не только сохраняются, но и получают развитие самобытные черты национальной культуры. Эти сюжеты получили освещение в докладах Т. А. Жданко «Евразийский номадизм», Г. Ф. Дахшлейгера «Опыт перехода к оседлости кочевников казахов в советский период», А. О. Чубарьяна «К истории культурного развития советских национальных республик». Два первых доклада были вынесены на симпозиум «Аккультурация кочевников Евразии», проводившийся под руководством их авторов совместно с Л. Крадером (США) и японскими учеными Т. Сагути и М. Мори. Основной темой этого симпозиума были поиски практических путей улучшения жизни слаборазвитых кочевых народов. Выступления советских ученых вызвали большой интерес участников симпозиума.

Важное место в работе конгресса заняла традиционная этнографическая тема — эволюция форм социальной организации у разных народов. Ей было посвящено около 50 докладов, в которых трактовались вопросы эволюции рода, семьи, систем родства, норм обычного права. Эта проблематика рассматривалась в четырех советских докладах. В докладе Ю. В. Бромлея «Об архаических формах семейной общины» ставился важный методологический вопрос об универсальности братской семьи как наиболее ранней формы демократической семейной общины. М. В. Крюков посвятил свой доклад анализу соотношения социальных и этнических аспектов, обуславливающих исторические особенности систем родства; в докладе Н. А. Бутинова «Клан на Новой Гвинее» ставился вопрос о семейно-родственной организации папуасов; доклад

Ю. М. Юригиниса содержал анализ обычного права балтов; доклад Ю. П. Аверкиевой был посвящен проблеме военной демократии.

Очень оживленная дискуссия развернулась вокруг доклада голландского ученого В. Вертхейма, содержавшего критику теорий, идеализирующих значение патерналистских отношений в условиях слаборазвитых стран; автор подчеркнул различия в расстановке классовых сил на разных этапах национально-освободительной борьбы.

Большой комплекс докладов был посвящен рассматривавшимся на ряде секций локальным вопросам духовной и материальной культуры. Интересные доклады об архаичных приемах изготовления керамики без круга представили П. Сной (Афганистан) и Р. Мурер (Камбоджа), об огородничестве на плавучих островах в Бирме — У. Стертевант (США), о примитивных приемах рыбной ловли и охоты — Д. Трейд (ГДР), Н. Стора (Финляндия), А. Нисимура (Япония) и др. Этой же тематике был посвящен доклад Г. П. Строда об изменениях в традиционных формах земледелия в Латвии в переходный период от аграрного к промышленному обществу, а также доклад Л. А. Молчановой «Общеславянские и национальные элементы в материальной культуре белорусов». Об изменениях в типах поселений и жилищ сельского населения России говорилось в докладе Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина, доложенном первым в секции «История культуры»; доклад К. Г. Гуслисто, В. Т. Зинича и Н. П. Приходько «Проблемы изучения современных условий жизни украинского рабочего класса» был доложен В. Т. Зиничем в секции «Социальные и культурные изменения». Все эти доклады привлекли внимание специалистов, занимающихся вопросами современной материальной культуры и быта.

Много было докладов по народному устному и изобразительному искусству (большей частью в связи с религиозными воззрениями). Этой тематике касались интересные доклады А. Х. Маргулана «Казахское декоративное искусство», К. М. Герасимовой «Антропологические основы законов пропорции в тибетских канонах (семь типов телосложения)», Я. Н. Киреева «Отражение мифологических элементов в эпосе башкирского народа», Б. Орузбаевой «Этнонимы в эпосе „Манас“ и их значение в позднейших племенных названиях киргизов»; Р. С. Джарылгасиновой «Этногенетические мифы и легенды корейцев», Л. Е. Вирсаладзе «Проблема классификации народной лирики», М. Я. Чиковани «Проблема типологических связей между тремя средневековыми поэмами: Тристан и Изольда, Абессалом и Этери, Вис и Рамини». Специально проблемам религии были посвящены два советских доклада: Г. Г. Стратановича «Роль религии в современной жизни народов Юго-Восточной Азии» и Т. М. Михайлова «Шаманский фольклор бурято-монголов: опыт классификации».

Большинство докладов советских ученых по проблемам этнографической науки характеризовалось тем, что в них рассматривалось не какое-либо отдельное, изолированное явление, а как правило, делалась попытка исторического обобщения, создания классификационной схемы.

Лингвистические проблемы обсуждались в секции «Язык» и на двух симпозиумах: «Современные границы лингвистической антропологии» и «Пользование языком почтительности». В работе их приняли участие известные советские лингвисты: Д. А. Ольдерогге, зачитавший доклад «Древние связи Армении и Эфиопии (из истории алфавита)», Н. А. Баскаков («Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая»), К. Г. Церетели («Семитские языки в Советском Союзе»).

Выступления археологов были сосредоточены главным образом в секции «Предыстория и археология» и в симпозиуме «Древние связи между Северной Евразией и американской Арктикой». В работе последнего активно участвовали советские ученые. Их содержательные доклады («Неолит низовий Амура и его связи с неолитическими культурами

других районов Азии» А. П. Окладникова, «Палеолит Камчатки» Н. Н. Дикова, «К вопросу о культуре морских охотников Тихоокеанского Севера» Р. С. Васильевского, «Формализованная типология наконечников гарпуна и эволюция древних культур Арктики» С. А. Арутюнова) имели непосредственное отношение к этнической истории народов Северо-Восточной Азии, Японии и Америки. По этой важной проблеме развернулась оживленная дискуссия между археологами Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Канады, Японии. На основе новейших исследований обсуждался вопрос древних контактов между Евразией и Северной Америкой. Эти контакты, восходящие к глубокой древности, ко временам палеолита, очевидно, захватывали и территорию Японии. Продемонстрированные на симпозиуме находки показали тесную связь древних культур этих районов.

Вообще проблемы этногенеза занимали большое место в работе конгресса. Они рассматривались на основе лингвистических, этнографических, археологических и антропологических материалов, объединяя в дискуссиях специалистов разных профилей. Эти проблемы обсуждались на секциях «История культуры», «Айны и Арктика», на симпозиуме «Этногенез японского народа». Особое внимание было уделено этногенезу японцев. Дискуссии по этой проблеме продемонстрировали весьма сложный характер формирования японского народа, показали, что истоки его культурной, языковой, этнической традиции в глубокой древности уходили в разные районы азиатского континента и островного мира. Активное участие в этой дискуссии принял С. А. Арутюнов. На конгрессе были представлены также доклады по этногенезу народов Кавказа (Г. А. Меликишвили) и о происхождении татарского народа (Ш. Ф. Мухамедьяров).

Проведение VIII конгресса в Японии естественно привлекло к нему внимание прежде всего специалистов по этнографии народов Юго-Восточной Азии и Океании, и большинство докладов было посвящено различным проблемам истории и этнографии этих народов. Африканистика и американистика также были представлены, но значительно слабее. В работе африканской секции активное участие приняли видные африканисты социалистических стран — Д. А. Ольдерогге (СССР) и И. Зельнов (ГДР). Проблемы европейской этнографии освещались главным образом в докладах ученых СССР, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии.

В целом работа конгресса показала, что для современной западной (в особенности американской) этнографической науки все еще характерен эмпиризм, уход в детальные конкретные исследования без попыток широких обобщений. В этой углубленной детализации, в этом сугубо конкретном подходе есть и свои положительные стороны. Но выведение из богатого эмпирического материала лишь частных закономерностей снижает его научную ценность.

Некоторые доклады иллюстрировались показом кинофильмов, демонстрировавшихся в специальном зале. Приходится лишь сожалеть, что советская делегация не привезла ни одного этнографического фильма. Но она оказалась единственной делегацией, приехавшей со своей, правда, не очень большой, выставкой последних публикаций по этнографии, антропологии и археологии, экспонировавшихся наряду с книжной выставкой устроителей конгресса.

Обилие научных ячеек на конгрессе (всего их насчитывалось 48) создавало для нашей делегации определенные научно-организационные трудности. Сравнительно небольшими силами советские делегаты стремились охватить весь широкий, многогранный фронт работы конгресса. Эта задача была тем более трудной, что она требовала хорошего знания английского языка, который фактически был господствующим рабочим языком конгресса. И все же с данной задачей, без решения которой было бы невозможно получить целостное представление о конгрессе, делегация в основном успешно справилась.

Японская научная общественность вложила немалый труд в организацию конгресса, и с точки зрения доброжелательности, гостеприимства и тактичности хозяев, а также со стороны технической организации конгресс не оставлял желать лучшего. Однако при организации следующих конгрессов необходимо учесть, что все увеличивающееся количество секций и симпозиумов создает значительные трудности для участников этих международных научных встреч.

В ходе работы конгресса был решен ряд организационных вопросов, связанных с деятельностью Международного союза антропологических и этнографических наук.

В руководящий орган Союза — Исполком — были избраны советские ученые Г. Ф. Дебец (вице-президент), Ю. В. Бромлей (секретарь). В состав Постоянного совета вновь была включена группа советских ученых: в качестве почетного члена Совета — С. П. Толстов; в качестве членов-делегатов — Ю. В. Бромлей, Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, В. П. Якимов, секретарями — С. А. Арутюнов, К. Г. Гуслистый.

На заседании Постоянного совета была принята резолюция, в которой выражался протест против мер, угрожающих жизни и благосостоянию туземного населения в различных странах мира, причем в качестве примера приводились американские индейцы.

Был утвержден новый устав Союза, который определил периодичность конгрессов — 5 лет. Следующий конгресс было решено провести в 1973 г. в США.

Готовясь к следующему конгрессу, равно как и к другим международным форумам, нам следует учесть опыт VIII МКАЭН. В частности, надо обратить большее внимание на представление докладов методологического, общетеоретического плана. В делегации нужно включать больше людей с активным знанием иностранных языков и прежде всего английского языка, поскольку конгресс будет проходить в англоязычной стране.

Основную часть докладов следует готовить не к секциям, а к симпозиумам по конкретной проблематике. Практика VIII конгресса убеждает в эффективности распространения заранее отпечатанных текстов докладов.

Ознакомление с работами зарубежных коллег показало, что наши этнографы чрезвычайно отстают от американцев и ученых Западной Европы в проведении полевых исследований в афро-азиатских странах.

Конгресс показал также, насколько слабо мы используем возможности публикации наших теоретически важных трудов в зарубежной научной прессе.

В целом VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук явился существенным вкладом в дело развития международного сотрудничества этнографов, археологов и антропологов разных стран. Особую ценность имели контакты, установленные на данном конгрессе с прогрессивными учеными ряда азиатских стран. Впервые наши ученые смогли завязать контакты со многими представителями молодого поколения ученых США и Канады, среди которых немало людей, выражающих прогрессивные тенденции в современной этнографической науке.

Чрезвычайно важным было также ознакомление наших специалистов с научной деятельностью широкого круга японских исследователей, недостаточно известных нам до сих пор вследствие языкового барьера. Важно и то, что советские ученые смогли ознакомиться с японскими музейными коллекциями.

Присутствие на этом конгрессе многочисленной советской делегации, выступления наших ученых с содержательными докладами, их активное участие в дискуссиях и обсуждениях, способствовало поднятию престижа советской этнографической науки в глазах мировой общественности и пропаганде марксистско-ленинских идей за рубежом.

SUMMARY

The article contains a brief description and a general evaluation of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences (VIII CISAE, Tokyo — Kyoto, September, 1968).

Problems of interaction between man and his natural environment, of primatology, physiological and biological methods are noted as particularly important in physical anthropology. In ethnography the break of a number of scientists in the Western World with cultural relativism and their shift towards evolutionism is shown: ideas close to Marxian are often expressed. A heightening interest to the problems of modernity is noted, as, for instance, the adaptation by people of traditional culture to conditions of rapid urbanization. Ethnogenetic problems were largely concentrated on peoples of the Northern Pacific — Japan, Northern Eurasia, the American Arctic Region. The predominance of papers on empirical problems over those having a wider theoretical significance is noted. The authors stress the warm hospitality of the Japanese organizers of the Congress. The practical work of the Congress made it apparent that greater attention should be given to symposia on specific problems.

On the whole the Congress represented an important contribution to the development of international cooperation of specialists in the science of man.
